

Ф. Шиллер

**Собрание сочинений в 7
томах**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
Ш58

Шиллер Ф.И.
Ш58 Собрание сочинений в 7 томах: Том 1 / Ф. Шиллер – М.: Книга по Требованию, 2022. – 783 с.

ISBN 978-5-458-70032-0

ШИЛЛЕР (Schiller) Фридрих фон (полное имя Иоганн Кристоф Фридрих) (10 ноября 1759, Марбах на Неккаре — 9 мая 1805, Веймар), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения. Содержание: Н. Вильмонт. Фридрих Шиллер СТИХОТВОРЕНИЯ (1780 - 1805) ДРАМЫ В ПРОЗЕ Разбойники. Драма в пяти действиях. Перевела Наталия Ман Заговор Фиеско в Генуе. Республиканская трагедия. Перевел Вс. Розанов Коварство и любовь. Мещанская трагедия. Перевел Н. Любимов Комментарии. С. Апт и Н. Вильмонт

ISBN 978-5-458-70032-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

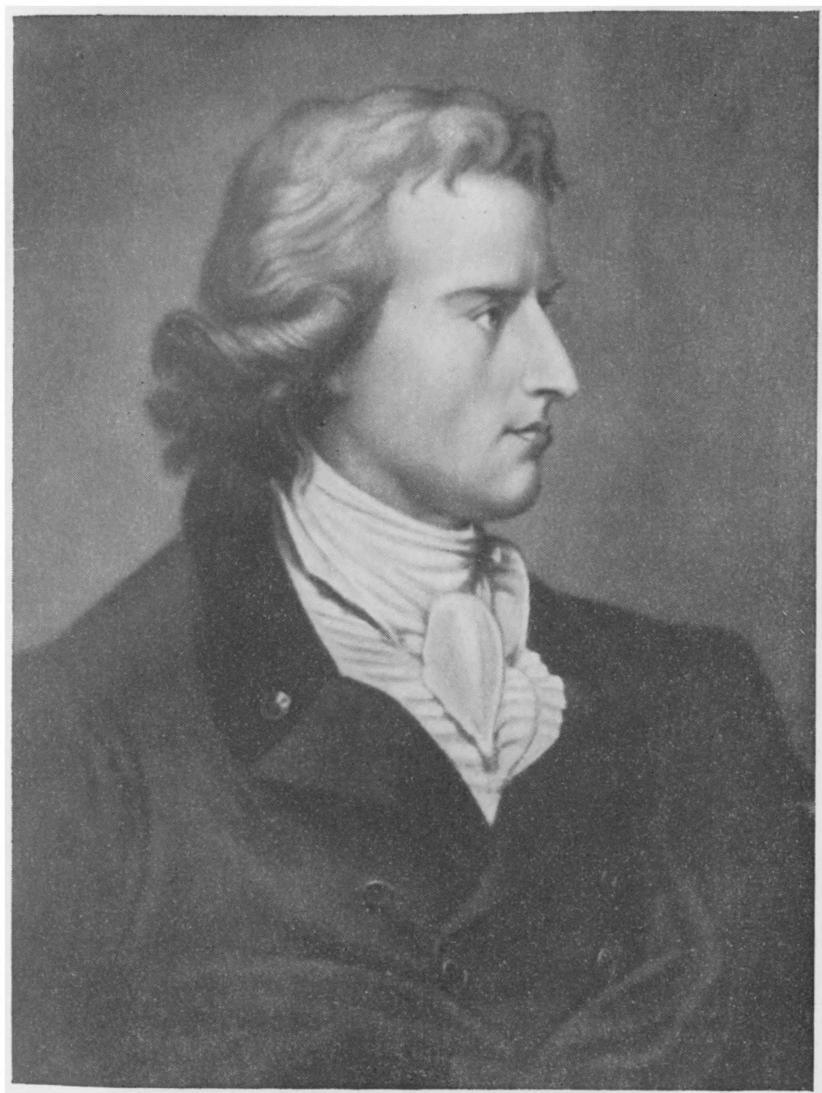
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ф Р И Д Р И Х Ш И Л Л Е Р

1759—1805

1

Передовые люди всего мира издавна чтут великого немецкого поэта и драматурга Фридриха Шиллера как благородного борца за раскрепощение человечества. Вместе с Гете Шиллер воспитывал свой народ в безграничной вере в лучшее будущее, вместе с Гете внушал немецкому обществу и всем народам, что «золотой век» надлежит искать не в прошлом, а в грядущем. «Гимн свету» — таково название стихотворения, задуманного поэтом накануне смерти и оставшегося ненаписанным. Гимном свету было и все творчество Шиллера в конечном его устремлении.

С осени 1781 года, когда появилась на книжном рынке первая драма Шиллера — «Разбойники», и до 9 мая 1805 года, последнего дня его замечательной жизни, не прошло и четверти века. За этот скупо отмеренный ему отрезок времени Шиллер успел обогатить немецкую и мировую культуру непреходящими ценностями. Его творческий вклад в литературу — художественную, историографическую, философскую — поражает грандиозностью масштабов; особенно если принять во внимание, как часто тяжелый недуг прерывал его напряженную работу.

Шиллер — один из крупнейших представителей «старой великой германской поэзии»¹, мощно участвовавшей в формировании национального сознания немцев, в борьбе за единое германское государство. Творения Шиллера пробуждали в

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 335.

немецком народе протест против политического и социального гнета, царившего в Германии конца XVIII—начала XIX века, против феодальной раздробленности немецких земель.

Прав был великий русский критик В. Г. Белинский, видевший в поэзии Шиллера «намек на будущее Германии»¹, на еще чуждое его соотечественникам *живое и разумное действие*. А под таковым Белинский понимал вооруженное восстание немецкого народа против злейших его врагов — властителей тогдашней Германии. Немецкому полуфеодальному застою, произволу многочисленных самодержавных князей Шиллер противопоставил свои высокие гуманистические идеалы, идею *народовластия*. Он мечтал о новом, народном государстве, о «гармоническом обществе», не знающем ни сословий, ни классов.

Эта светлая мечта стояла перед глазами Шиллера и тогда, когда он создавал свои ранние бунтарские драмы, в которых пригвоздил к позорному столбу отсталое немецкое общество XVIII века, и тогда, когда, к концу своей безвременно оборвавшейся литературной деятельности, стал проникаться верой в созидательные силы народных масс, в их способность преобразить историю человечества. В «Валленштейне», в «Орлеанской девице», в «Вильгельме Телле» Шиллер по-разному ставит и разрешает проблему народности. Если в «Лагере Валленштейна» народ (вернее, его вооруженные представители) — всего лишь грозная материальная сила, которую хотят себе подчинить главари враждующих партий, если в «Орлеанской девице» простая крестьянка возглавляет разбитое войско королевской Франции, чтобы избавить родину от британского ига, то в «Вильгельме Телле» народ смело борется за собственные права, за свободу — против тирании, против ставленников антинародной власти.

К какому бы драматическому конфликту, к какой бы трагической странице немецкой или всемирной истории Шиллер ни обращался, его сердце всегда на стороне угнетенных, на стороне борцов за раскрепощение человечества. Такой всеобъемлющий гуманизм, такое «пламенное сочувствие всему, чем благороден и силен человек»², сообщает творчеству Шиллера черту несокрушимого оптимизма, делает Шиллера наиболее популярным представителем немецкой классической литературы.

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 136.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 507.

Пора поэзии Шиллера «не прошла и никогда не пройдет, пока человек будет стремиться к чему-нибудь лучшему, нежели окружающая его действительность»¹. Героический театр Шиллера, его вольнолюбивая лирика всегда укрепляли немецкий народ в борьбе за национальное единство и демократическую свободу. Так было во время освободительной войны, которую немцы плечом к плечу с русскими повели против иноземного владычества Наполеона. Так было во время революции 1848 года, когда с баррикад восставшего народа звучало вдохновенное слово Шиллера. Революционный авангард немецкого пролетариата всегда смотрел и смотрит на себя как на законного наследника благороднейших заветов Шиллера. В наши дни славное имя поэта особенно дорого немецкому народу. Подобно тому, как на стыке XVIII и XIX веков Шиллер неустанно ратовал за национальное объединение немцев, за демократическое германское государство, так все немецкие патриоты современности стремятся покончить с национальным расколом и воссоединить свое отечество на демократической основе.

Творчество Шиллера давно принадлежит не только немецкому народу, но и всему человечеству. Передовое русское общество высоко ценило великого немецкого поэта. Героический пафос его освободительных идей, его пламенный протест против векового гнета правящих классов были близки Белинскому, Герцену, всем русским революционным демократам.

Каждый подъем революционной борьбы русского народа сопровождался новым увлечением поэзией Шиллера. Известно, как горячо принимали в годы гражданской войны наши революционные рабочие, комсомольцы, воины героической Красной Армии драмы немецкого поэта. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют романы А. Толстого и К. Федина, посвященные теме гражданской войны. «Разбойники», «Коварство и любовь», «Дон Карлос» заняли почетное место в репертуаре советского театра первых лет Великой Октябрьской социалистической революции. И эту свою популярность они сохраняют вплоть до наших дней.

Советское литературоведение стремится обнять жизнь и творчество великих писателей прошлого в целом, со всеми их внутренними противоречиями. Мы полагаем, что слова Энгельса:

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 507.

«И Гете был не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества (*misère*) над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что «изнутри» его вообще нельзя победить»¹, в известной мере приложимы и к Шиллеру. Экономическая и политическая отсталость его родины не позволила ему, как и многим другим выдающимся его современникам, принять якобинскую диктатуру, *революцию как метод*. Именно в годы наибольшего подъема первой французской буржуазной революции Шиллер (не без влияния идеалистической философии Канта) утверждал, что истинную свободу надо искать не на этой земле, а в идеальном «царстве прекрасной видимости».

Но такой вывод не был окончательным: великий поэт никогда не останавливался в своем развитии. Об этом, в частности, свидетельствует высказывание Гете (от 18 января 1825 года), записанное Эккерманом: «С недели на неделю Шиллер становился другим... При каждой новой встрече он казался мне все более начитанным, все более зрелым в своих суждениях». Не могло удовлетворять Шиллера, натуру страстную, волевою, и пребывание в абстрактном «царстве прекрасной видимости». С годами он все больше сочувствовал реальным достижениям французской революции. Проблемы *нации, свободы* ставились и разрешались им в духе идей, утвердившихся в революционной Франции. Все более близкой, все более осуществимой ему представлялась победа новых сил истории над отжившим общественным строем.

Весь путь Шиллера, поэта, мыслителя, патриота, был постоянным стремлением вперед к познанию и осуществлению человеческого счастья. Цель настоящего критико-биографического очерка — ознакомление советского читателя с важнейшими вехами в художественном и философском развитии великого немецкого поэта.

2

Иоганн-Христоф-Фридрих Шиллер родился 10 ноября 1759 года в швабском городке Марбахе, входившем в состав герцогства Вюртембергского. Его предки — исконные обитатели Швабии, некогда виноградари, позднее, в большинстве своем, городские ремесленники: булочники, часовщики, портные.

Отец поэта, Иоганн-Каспар Шиллер, человек недюжинный, хотя и без всякого образования, всю жизнь стремился «выйти

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 142.

в люди». В юные годы он изучил «хирургическое искусство», служил военным фельдшером, потом сделался прапорщиком, принял участие в Семилетней войне, служа в войсках австрийской императрицы Марии - Терезии, и, выйдя в отставку в чине лейтенанта, избрал себе местом жительства город Марбах. Думая поправить свои дела выгодной женитьбой, Иоганн-Каспар остановил свой выбор на Доротее Кудвейс, дочери владельца гостиницы «Золотой лев». Но родители его жены, слывшие зажиточными горожанами, вскоре разорились, и это заставило отставного офицера снова поступить на военную службу. Иоганн-Каспар долго тянул служебную лямку. Исправляя мало привлекательную должность вербовщика, он дослужился до чина капитана и под конец жизни, выйдя в отставку в чине майора, стал лесничим, «смотрителем древесных насаждений герцога Вюртембергского», — мирный, но не слишком блестящий итог долгих жизненных испытаний.

Мать Шиллера, женщина добрая, но обезличенная энергичным и властным супругом, не могла оказывать заметное влияние на своего гениального сына. Семья скромного «офицера из мещан» не раз меняла место жительства. То это был Людвигсбург, новая резиденция герцога, где по широким улицам и аллеям гуляли придворные в шелковых фраках, военные в богато расшитых мундирах и гренадеры в высоких касках, сходных с колпаком весельчака Петрушки. Вдали, на западе, высился тюремный замок Гогенасперг. Со страхом и скрытой ненавистью взирали на него горожане, зная, что в его казематах томится немало узников, неосторожно отозвавшихся о властях предержавших.

Позднее, по воле военного начальства, семья Шиллеров проживала в деревне Лорх и местечке Гмюнд, где в тесном кольце городской стены взамен изящных построек XVIII века вздымались средневековые башни и колокольни, а по обе стороны улиц в сажень шириной плотно жались друг к другу узкие фасады готических домов. Близ каждого города и селения стояла на холме большая виселица. «Это мышеловка?» — спросил капитана во время одного из частых переездов маленький Фриц, — и впервые услышал в ответ поучительный рассказ о преступлениях и неминуемых карах, о ворах и конокрадах, о беглых солдатах и страшных разбойниках, живущих в густом лесу вместе с волками и лисами.

Так постепенно из пестрых впечатлений, из разговоров взрослых складывалась в сознании мальчика картина немецкой действ-

вительности — тот мир, в котором предстояло жить великому поэту.

Творческая деятельность Шиллера почти целиком протекала во второй половине XVIII века. Согласно классическому определению Ф. Энгельса, Германия той поры (состоящая из множества самостоятельных государств Священная Римская империя германской нации) «была одна гниющая и разлагающаяся масса... Крестьяне, торговцы и ремесленники испытывали двойной гнет: кровавого правительства и плохого состояния торговли... Все было скверно, и в стране господствовало общее недовольство. Не было образования, средств воздействия на умы масс, свободы печати, общественного мнения, не было сколько-нибудь значительной торговли с другими странами; везде только мерзость и эгоизм... Все прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений»¹.

Всему этому родина поэта — герцогство Вюртембергское — служила наглядным примером. Неограниченным властителем этой злосчастной страны был герцог Карл-Евгений. Много мрачных и преступных имен занесено в анналы немецкой истории, но это имя, тесно связанное с судьбами поэта-страдальца Христиана-Даниэля Шубарта и молодого Шиллера, принадлежит к именам, наиболее ненавистным немецкому народу.

Жестокий и вздорный, распутный и расточительный, Карл-Евгений довел Вюртембергское герцогство до крайнего разорения. Истощив страну непосильными налогами и чрезвычайными изъятиями, он повел широкую торговлю собственными подданными — занятие, достаточно распространенное среди немецких государей XVIII века.

Карл-Евгений столько разорил и обездолил, столько погубил человеческих жизней, что и сам порою удивлялся народному долготерпению, а потому почел разумным выпустить по случаю своего пятидесятилетия покаянный манифест, в котором открыто признал греховность своих былых деяний и обещал впредь лучше управлять страной, «содействуя ее благоденствию и просвещению». Что касается посула «благоденствия», то это был всего лишь приличный случаю пустоцвет казенного красноречия; напротив, упоминание о «просвещении» подданных, к сожалению,

¹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения, т. V, стр. 6—7.

имело некоторое основание: в 1772 году Карл-Евгений преобразовал Дом солдатских сирот, где питомцы обучались различным ремеслам, в военную школу, а вскоре и в академию.

Академия Карла — так называлось теперь это учебное заведение — готовила не только офицеров, но и юристов, медиков, а также живописцев и архитекторов. Желая привить ученикам академии чувство слепой преданности своей особе, герцог подчинил их чрезвычайному режиму: его воспитанники не знали каникул, их переписка с родными была строго ограничена и подчинена тщательному контролю, встречи с родителями допускались лишь в исключительных случаях и не иначе, как в присутствии надзирателей. Ученикам вменялось в обязанность друг за другом шпионить; они были строго подразделены на детей дворян, офицеров, чиновников, простых обывателей, и общение между этими различными категориями учащихся находилось под запретом.

Карл-Евгений объявил себя «верховным ректором» своей академии. Утратив интерес к маневрам и военным парадам, он школил и истязал теперь своих воспитанников. Последних он набирал во вновь основанную академию теми же методами посулов и принуждений, какие пускались в ход при вербовке рекрутов. Мог ли противиться герцогскому повелению отдать в академию единственного сына капитан Иоганн-Каспар Шиллер, когда отказ означал бы потерю службы, составлявшей единственный источник существования его большой семьи? Так, в январе 1772 года, против отцовского и собственного желания, тринадцатилетний Фридрих Шиллер поступил в заранее ненавистное ему учебное заведение, с тем чтобы покинуть его лишь восемь лет спустя, на двадцать втором году жизни.

Отзываясь позднее о педагогических затеях Карла-Евгения, Шиллер назвал своего «августейшего» воспитателя «новым Девкалионом», в отличие от мифического превращавшим «не камни в людей, а людей в камни».

Но он, Шиллер, не окаменел душой в стенах герцогской академии. Ни карцер и капральская палка, ни жестокое решение герцога лишний год продержат беспокойного студента в своем «питомнике рабов» (так назвал Академию Карла поэт Шубарт), ни постоянное чувство поднадзорности не могли сломить отважного юношу. Именно здесь, в Академии Карла, он почерпнул огромный обвинительный материал против князей и господствующего класса тогдашней Германии.

Конечно, Шиллер не мог бы произнести столь суровый обвинительный приговор над властью имущими, если бы сквозь стены казармы, где жили в отрешенности от мира воспитанники Карла-Евгения, не проникало могучее веяние передовой немецкой литературы XVIII века, которая на протяжении всего лишь одного десятилетия дала человечеству «Эмилию Галотти» и «Натана Мудрого» Лессинга, «Геца фон Берлихингена» и «Страдания юного Вертера» Гете, знаменитую «Ленору» и другие народные баллады Бюргера, бунтарские оды и памфлеты Шубарта. Вся эта «высочайше запрещенная» разоблачительная литература ходила по рукам среди воспитанников Академии Карла.

Но идеи, волновавшие умы передовых немецких людей, вторгались в Академию Карла и «узаконенным» путем. Воспитанникам читался курс философии — сначала, правда, рутинером Яном, строго державшимся философских прописей старика Вольфа, но потом сменившим его талантливым (при всей эклектичности его воззрений) молодым профессором Абелем. Последний знакомил своих слушателей с французскими материалистами (Дидро, Гольбахом, Гельвецием), с воззрениями «мятежного женева» Жан-Жака Руссо, с англо-шотландскими философами-моралистами (Шефтсбери, Болингброком).

Главная заслуга Абеля заключалась в его умении приобщать молодую аудиторию к собственной оценке жизненных явлений. Мало оригинальный, но тем более впечатлительный мыслитель, Абель обращался также к новейшим идеям поэтов «бури и натиска» (Клингера, Ленца, молодого Гете). В частности, у них почерпнул он своеобразную теорию «отступления от юридических норм», учение об «аномалиях ума и сердца», в которых обнаружаются душевные силы, в обычной жизни почти незаметные.

Под рубрику «преступления» Абель, маскируя свое сочувствие революционному протесту народных масс, подводил также и *бунт против существующего порядка*. Не без основания некоторым исследователям слышатся «абелевские интонации» в авторецензии Шиллера на «Разбойников», анонимно опубликованной в январском номере «Вюртембергского репертуара литературы» за 1782 год. «Мне во всяком случае, — пишет здесь Шиллер, — представляется, что выдающимся преступникам прищуща столь же большая сила духа, как и выдающимся праведникам». Интерес ко всем видам протеста против существующих порядков — от разбоя удалого атамана Зонненвирта до высокой героики грядущего «нового Брута», интерес к конфликту между